

Лора Джонс

ИГРА В ПРЯТКИ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Lora Jones
THE WOMAN IN THE WALLPAPER
Copyright © Lora Jones, 2025
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Prava I Prevodi*
за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Анастасии Рудаковой
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Джонс Л.

Д42 Игра в прятки : роман / Лора Джонс ; пер. с англ. А. Рудаковой. —
М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 592 с. — (Сага).

ISBN 978-5-389-26170-9

Во Франции бушует Великая французская революция, и судьбы трех молодых женщин — аристократки Ортанс, работницы обоевой фабрики Софи и ее сестры, горничной Лары, — переплетаются самым причудливым образом. После смерти отца сестры вынужденно переезжают из Марселя на окраину Парижа, где устраиваются работать на фабрику Вильгельма Оберста — его обои славятся замысловатыми рисунками. Софи влюбляется в сына владельца фабрики Жозефа, тот без ума от Лары — которая напоминает ему мать, умершую безвременной загадочной смертью, героиню бесчисленных идиллических сценок на старинных обоях, — однако супругой юного Оберста становится уроженка Лувра Ортанс. Обстановка и в замке Оберстов, и на фабрике, и в близком революционном Париже становится все более тревожной. У каждой героини есть свои причины опасаться за собственную жизнь и прятаться. Сумеют ли они вырваться из кровавого круговорота истории?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Рудакова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26170-9

Заметка на обоях

Сюжет романа отдаленно навеян историей фабрики Кристофа-Филиппа Оберкампа в Жуи-ан-Жоза близ Парижа. Данное предприятие, основанное в 1760 году, производило обои и ткани, известные как *toile de Jouy* (что в переводе означает «ткань из Жуи»). Их отличительная черта — сплошной одноцветный узор из повторяющихся цветочных композиций или пасторальных сценок; этот стиль популярен и по сей день. Многие главы романа получили названия по образцам узоров, использовавшихся на фабрике Оберкампа в период с 1760 по 1818 год.

Пролог

Париж, октябрь 1793 года

Когда повозка с осужденными заворачивает за угол, перед молодой женщиной открывается новая сцена. На миг она представляет этот вид перенесенным на ткань, подмечает, что высокие здания по краям площади как бы образуют темную рамку, создавая законченный мотив для будущего узора.

Женщина крепко зажмуривается.

Ей всюду мерещатся узоры, но все же на секунду она задается вопросом, реальна ли вообще картина перед ее глазами или это очередной морок. И заставляет себя сосредоточенно вглядываться в нее, ожидая, что площадь либо исчезнет, либо изменится, превратившись в нечто совершенно иное. Но ничего подобного не происходит.

Самая большая площадь столицы — *Place de la Révolution*¹ — так запружена народом, что, кажется, вот-вот взорвется и затопит окружающие *rues*² вплоть до самого берега реки.

Взгляд женщины дойдя до видимых пределов гигантской толпы, устремляется к объекту всеобщего внимания. Людская масса щетиниста и колюча: сплошные шипы и ост-

---

¹ Площадь Революции (фр.).

² Улицы (фр.).

рия. Одни пронзают линию горизонта ружейными дулами, другие пиками. У прочих оружие поглубже: серпы, ножи, ухваты, взятые в последний момент или наскоро приспособленные.

С такого расстояния эта картина может показаться почти пасторальной сценкой, а оружие в руках — луговой травой, которую колышет ветерок. Но женщине известно, что толпа собралась поглазеть, как умирают люди, и жажда крови захлестывает ее подобно штормовым волнам.

А надо всем этим, в дальнем конце площади, на высоком эшафоте, виднеется она. Махина в два с лишним человеческих роста, мрачно вырастающая из собственной тени. «Полумесяц». «Дверное окошко». «Механизм». *Le Rasoir National*¹. Начинает бить колокол.

Женщина замечает, что странная погода, не соответствующая ни чудовищности происходящего, ни теперешнему межсезонью, делает все краски яркими, необычными. Небо поразительно синее, точно там, наверху, перевернулся огромный чан с индиго. Вместе с тем разбросанные по нему редкие облачка кажутся девственно чистыми. Как нетронутая белизна падающего снега. Как первый вздох младенца.

И лишь по мере приближения эшафота, к которому, громыхая, катит повозка, сквозь толчею начинает проглядывать красный цвет. Он не столь ярок. Эти тусклые, потемневшие разводы на досках под огромным сооружением напоминают пятна ржавчины.

Когда молодую женщину только погрузили на повозку, точно мясную тушу, предназначенную для продажи, каждый толчок отдавался у нее в костях, заставляя кивать в такт движению, словно в знак полного согласия с происходящим.

---

¹ «Бритва нации» (фр.).

Будто руки у нее не были связаны за спиной веревкой, врезавшейся в запястья.

Теперь, когда повозка с грохотом катит сквозь толпу, тряска уже не беспокоит женщину. Как не беспокоят ее песок, навоз, пропитанное водой из сточных канав и кое-чем похуже тряпье, которыми швыряют в нее люди. Женщина едва замечает людей, их насмешки, крики и плевки, стекающие по ее коже. Не то чтобы она спокойна, скорее, ей чудится, что в действительности ее здесь вообще нет.

Ей протягивают бумаги, и один листок, порхая, слетает к ее ногам. На нем перечень имен — первое из сегодняшних жертвоприношений на алтаре Республики. Молодая женщина опускает глаза и узнает последнее имя; и когда ее взгляд скользит по чернильным узорам, она вспоминает о тех, кто сидит вместе с ней в повозке. Она почти позабыла об их существовании.

Первому — юноше — не больше семнадцати. Глаза его крепко зажмурены, лицо искажено от страха. Вторая — женщина постарше — маркиза, хотя по ее виду ни за что не догадаешься. Волосы у нее по необходимости тоже коротко острижены, щетина на голове прикрыта чепцом. Лицо влажно от пота, платье измарано, она отчаянно твердит молитву за молитвой.

Повозка резко останавливается, и окружающая эшафот стража бьет в барабаны. Взгляд молодой женщины перемещается за их спины, где стоят три сосновых гроба, терпеливо ожидающие, когда в них появится надобность.

Кто-то без предупреждения протягивает руки над бортом повозки, хватает юношу и втаскивает его по лестнице на эшафот. Несчастный беспорядочно ударяется о ступени, скользя по доскам пальцами ног, беспомощный, как сельдь на леске. Он начинает кричать, плакать, заливаясь быстрыми горячими слезами.

— *Ma mère! Ma mère!*¹

— *Maman! Maman!*² — глумится над ним толпа.

Молодая женщина вспоминает революционный девиз — этот призыв к прогрессу: «*Liberté. Égalité. Fraternité*»³.

Палач просит юношу произнести последние слова:

— *Quelque chose à dire?*⁴

— *Ma mère!* — Это единственное, что приходит на ум приговоренному.

Он извивается, когда его в вертикальном положении пристегивают кожаными ремнями к опускающейся скамье. Он кричит, когда его, точно бревно перед обстругиванием, опускают, вставляют в механизм «мадам Гильотины», а сверху закрепляют доску с лунообразной выемкой для шеи.

Распорядитель поднимает палец, палач еще крепче сжимает *declic*⁵. Подается сигнал, и лезвие с ужасающим протяжным лязгом падает вниз.

Над толпой торжествуя поднимают какой-то предмет, вытасенный из корзины под гильотиной. Он настолько маленький и неказистый, что молодая женщина на протяжении целой минуты не может уяснить, что это такое. Когда голова юноши предстает перед народом, небо разрывают ружейные выстрелы и крики «*VIVE LA FRANCE! VIVE LA FRANCE!*»⁶.

— *Sauvages! Barbares!*⁷ — взывает маркиза, но голос ее тонет в окружающем гвалте. Когда становится ясно, что она следующая, несчастная каменеет, и стражники, сгиба-

---

¹ Матушка! (*фр.*)

² Мамаша! (*фр.*)

³ Свобода. Равенство. Братство (*фр.*).

⁴ Вы хотите что-нибудь сказать? (*фр.*)

⁵ Пусковое устройство гильотины (*фр.*).

⁶ Да здравствует Франция! (*фр.*)

⁷ Дикари! Варвары! (*фр.*)

ясь под тяжестью ее тела, втаскивают осужденную на эшафот. Маркиза снова и снова издает один и тот же звук: «о, о, о», слабый, похожий на птичий писк, и лезвие падает во второй раз.

Настает очередь молодой женщины. На ее лице отчетливо читаются ужасы, пережитые ею за последние месяцы, недели, часы.

— *Quelque chose à dire?* — спрашивает палач, наклоняясь к ней. Его взгляд скользит по ее платью, по крови, проступившей сквозь тонкую материю. Палач морщится, и женщина не может понять, что именно вызывает у него отвращение: кровь или узор на ткани.

Осужденная молчит. Хотя губы ее приоткрыты, с них не слетает ни слова. Ей нечего сказать, думает она и поворачивает голову к солнцу, чувствуя на лице его тепло.

Палач фыркает и завязывает ей глаза тряпкой. Затем ее тоже пристегивают к скамье ремнями, которые больно врезаются ей в грудь. Женщина пытается уловить бешеный стук своего сердца, колотящегося о доску, но не слышит его. Зато ощущает прикосновение к передней поверхности бедра какого-то небольшого предмета. В кармане юбки лежит письмо от него, до сих пор не распечатанное. До сих пор не прочитанное. Когда скамья приводится в горизонтальное положение, письмо выпадает из кармана на помост. До слуха женщины доносится слабый, но безошибочно узнаваемый шелест бумаги.

Бумаги.

На ее шею опускается доска с лунообразной выемкой, скрипит перчатка палача, держащего *declic*. Толпа смолкает, дружно затаив дыхание, и застывает в неподвижной тишине, охваченная трепетом перед незримой пропастью между жизнью и смертью.

Внезапно воздух разрывает крик. Шквал слов. Знакомый голос:

— НЕТ! СТОЙТЕ! *ARRÊTEZ!*¹ Ее нет в бумаге!

Ничего подобного, думает женщина, ибо трудно припомнить время, когда бы ее не было в той бумаге, на той бумаге. Ведь она бесчисленное количество раз была запечатлена там, навечно став частью этих узоров. И даже сейчас они, эти узоры, покрывают почти всё ее тело.

Она помнит, что ощущала себя в той круглой комнате как пленница изысканно отделанной внутри шкатулки. Да, быть может, кто-то и назовет те обои красивыми, но от их пестроты рябит в глазах. Там не хватает воздуха, и каждый дюйм пространства заполняют повторяющиеся сценки. Мелкие пурпурные фигурки, пейзажи, фрагменты флоры и фауны. Незаживающие раны прежних времен. От них никуда не деться. Никуда.

И в драгоценный, бесконечно краткий миг перед окончательным освобождением эти чередующиеся сценки одна за другой стремительно проносятся в ее голове.

---

¹ Остановитесь! (*фр.*)

ЧАСТЬ I

Памятники юга Франции

Марсель, октябрь 1788 года

Софи

— Софи, если ты и впрямь хочешь быть такой же хорошей рисовальщицей, как па, тебе нужно не только наблюдать, но и рисовать.

Я хмурюсь. Мои наброски, забытые, давно лежат у меня на коленях, и сестра это заметила. От работы меня отвлекли богатые гости города. Я смотрела, как они сходят на берег со шлюпок и парусных судов, а за ними, сгибаясь под тяжестью багажа, плетутся слуги, схожие с навьюченными ослами.

— Папа всегда говорит, что наблюдение — это две трети мастерства, — отвечаю я.

Лара мягко, но решительно возражает:

— Тебе бы подтянуть оставшуюся треть.

Я смотрю на ее светлые волосы, которые щекочут ей щеки, когда она склоняется над своим наброском, и думаю о том, насколько мы разные. Лара вылитая мать, я же — вся в нашего отца. Она белокурая и изящная, я — смуглая и высокая. И по характеру мы полные противоположности: Лара кроткая, совсем как папа. А у меня материн вспыльчивый нрав.

Взяв принадлежности для рисования, мы явились в гавань, где я пыталась запечатлеть образы рыбаков, пока Лара

зарисовывала утренний улов: крабов, кальмаров, скользкие ленты попавших в сети водорослей. У нас с сестрой всегда так: Лара рисует животных, которых очень любит, а я сосредоточиваюсь на прохожих. Мы надеемся, что скоро начнем помогать отцу и будем создавать эскизы для его статуэток и барельефов, орнаментов и греческих голов, которые он вырезает из необработанных кусков дикого камня. Нам отчаянно хочется увидеть, как талант Лары к изображению зверей и мой — к созданию человеческих фигур — объединятся в законченном произведении, изделии, ради которого кто-то охотно расстанется со своими деньгами. Но всякий раз, когда мы садимся рисовать, что-нибудь обязательно отвлекает меня, и не успеваю я глазом моргнуть, как настает время уходить, и тут оказывается, что у Лары уже целый ворох набросков, а у меня ни одного.

Мама, разумеется, понятия не имеет, что мы сейчас здесь. Она бы, наверное, рвала и метала, если бы знала, что мы в порту, хотя Ларе уже шестнадцать, а мне пятнадцать. «Это слишком опасно», — брюзжит наша родительница. Одному Богу известно, каких бед она ожидает. Но мы еще до рассвета тайком оделись и сложили в сумки запас бумаги и угольных карандашей. Пока в старинном квартале было еще тихо, мы выбрались из дома и на цыпочках прокрались под вырезанной над входом большой надписью «Л. ТИБО. КАМЕНОТЕС».

Задерживаться надолго нам нельзя. Как и в тех случаях, когда мы отправляемся на городскую окраину, к зеленым бульварам, где Лара рисует гекконов. Или на высокий обрыв, где полосатые красные утесы встречаются с ярко-синим небом и еще более ярким пенным морем. Мы тщательно рассчитываем время прогулок, чтобы вернуться домой прежде, чем мама хватится нас и начнет сердиться.

На пристани какой-то *débardeur*¹ сплевывает на мостовую темный комок мокроты и изрыгает проклятье. Он похож на ветхую, изношенную тряпку; он только что перетаскивал с баржи мешки с углем, и угольная пыль глубоко въелась в морщины на его лице. Позади него в карету с монограммой подсаживают дородного *gentilhomme*², прижимающего к носу платок. Неподалеку валяется истощенная старуха, кое-как закутанная в мешковину, с обнаженными ниже колен ногами. Должно быть, она явилась сюда просить милостыню, ее тщедушное тело состоит из одних костей, обтянутых кожей. Когда я снова опускаю взгляд себе на колени, то вижу, что слишком крепко сжала в пальцах угольный карандаш и тот раскрошился на бумагу, теперь выпачканную угольной пылью, совсем как кожа того *débardeur*.

Лара видит мою мину, и лицо ее омрачается. Она подмечает и остальное.

— Я всерьез рассчитываю, что па скоро разрешит нам помогать с выполнением одного из заказов, — с напускным оживлением сообщает она. — Вчера к нему обратились из Ле-Рука-Блан. — Она внимательно смотрит на меня, прикрывая ладонью от солнца широко распахнутые глаза.

Ле-Рука-Блан — один из богатейших районов города, с его огромными зеркалами, погребями, набитыми снедью, и цветниками, откуда открывается вид на море; скала, по которой он назван, такая же белая и чистая, как руки живущих там людей. И хотя я всегда мечтала работать вместе с сестрой у папы, это желание внезапно кажется мне неправильным. Какая польза несчастным и обездоленным от того, что мы будем создавать изысканные вещи для богачей? Это занятие, возможно, и отпугнет волчий голод от на-

---

¹ Портовый грузчик (*фр.*).

² Знатный господин (*фр.*).

ших дверей, но не помешает ему пробираться в дома бедноты и терзать таких, как эта спящая старуха. Мне приходит в голову, что старуха, быть может, вовсе не спит, а за то время, пока мы здесь, успела умереть, отойти в мир иной, — и никто этого не заметил! Мне хочется плакать.

— Я слышала, па говорил, ты скоро будешь развозить заказы вместе с Гийомом? — спрашиваю я Лару, заглядывая в ее набросок, чтобы отвлечься от собственных мыслей. Она рисует утку, стремясь передать сходство при помощи легких, точных движений угольного карандаша. На моем же листе парит только лишенная тела голова, проступающая сквозь плотную завесу размазанной угольной пыли, — всё, что я успела сделать, возясь со своим рыбаком.

— Думаю, со следующей недели, — отвечает сестра.

Пауза.

Я видела, как Лара смотрит на Гийома, и мне не верится, что она не считает дни до того мгновения, когда они впервые останутся наедине.

— Думаешь? — вырывается у меня. — Полно, Лара, ты же отлично знаешь, что он по тебе сохнет!

— Что? Нет! — поспешно возражает она, не поднимая глаз от своего рисунка. Но я замечаю на ее лице тень радостного смущения.

Гийом Эррар на год или два старше сестры, он подмастерье местного кузнеца и время от времени развозит на папином фургоне заказы, помогая с доставкой. Недавно парень обзавелся черными усами и небольшой бородкой, и я задаюсь вопросом: уж не для того ли, чтобы прикрыть тонкий шрам между носом и губой, ведь, кажется, именно из-за него он чуть шепелявит? Если так, то, по-моему, это позор.

Я ни разу не видела, чтобы Гийом терял терпение. У него такая же нежная душа, как у моей сестры. В некотором отношении они идеально подходят друг другу.

— Он тебе тоже нравится, верно? — спрашиваю я, отчего-то не сумев подавить резкость в голосе.

Лара не отвечает, продолжая обводить углем утиный клюв.

— Давай, признавайся! — Раздосадованная скрытностью сестры, я толкаю ее локтем в плечо, утиный клюв тотчас превращается в слоновий хобот, и я немедленно раскаиваюсь в содеянном.

— Софи! — В Ларином голосе слышится непривычное раздражение. Она косится на мой рисунок. — Не выноси суждение, зная лишь половину истории. Почему ты вечно одержима чужими обстоятельствами, которые тебя не касаются, когда вместо этого могла бы улучшить собственную жизнь? Ты беспрестанно твердишь, что хочешь работать с па. У тебя есть талант. Что ж, сейчас самое время его развивать.

Лара еще никогда не разговаривала со мной в таком тоне, и ее вспышка заставляет меня ненадолго умолкнуть. Но затем я соображаю, что, должно быть, затронула болезную тему, и это опять подзуживает меня.

— А мама поняла, что ты увлеклась папиным посыльным? Ей это не понравится — ты ведь знаешь, как она относится к подобным вещам.

Взгляд серых Лариных глаз по-прежнему прикован к бумаге, но рисовать она перестала.

— Ей нечего понимать, — тихо отвечает сестра. — Если бы Гийом не помогал папе, у меня вообще не было бы повода с ним видеться. Я делаю всё, что велит мама, выполняю все свои обязанности. Не вижу, к чему она могла бы придраться.

Я не припомню поры, когда Ларина безупречность не раздражала бы меня, но она же заставляет меня еще сильнее любить сестру. При этом мне известно, что, несмотря

на Ларины праведность и усердие, есть в ней нечто такое, что всегда вызывает мамино недовольство, и для меня это загадка, которую я никак не могу разгадать.

— Прости, — бормочу я и запечатлеваю на щеке сестры быстрый поцелуй. — Мне не следовало так говорить.

Лара улыбается и продолжает рисовать: она уже успела подправить утиный клюв, и теперь он опять выглядит как надо.

— Знаешь, эта голова очень хороша, — замечает она, кивком указывая на мой набросок. — Тебе следует ее закончить.

Я рассматриваю свою работу, пытаюсь найти взглядом рыбака, которого рисовала, как вдруг, откуда ни возьмись, на нас налетает рассерженная мать и хватается Лару за руку.

— Так и знала, что найду вас тут! — На ее лице застыла ледяная ярость. — Что все это значит? Чем вы занимаетесь?

— Рисуем... — начинаю я.

— «Рисуем»? — Мама вспыхивает. — Скорее, «лодырничаем»! Как думаешь, какое впечатление вы производите на этих... — губы ее кривятся, — этих *мужчин*? — Прощипев последнее слово, она переводит взгляд на портовых грузчиков. — Когда дело касается юных девиц, мужчин не нужно долго уговаривать.

— Мама, — подает голос сестра, — мы не собирались...

Мать стискивает Ларину руку, и я вижу, что люди начинают оглядываться на эту сухопарую женщину, которая хватается дочь за запястья, клоочет от злости и бранится почему зря.

— Полагаю, тайком улизнуть в гавань была *твоя* идея?

Этот вопрос, адресованный Ларе, ранит ее, точно острый нож.

Каменотес

Софи

По возвращении домой мама весь остаток дня, в ожидании того момента, когда отец закончит работу, молча ярится, словно злая собака, рвущаяся с поводка. Она воображает, что папа накажет нас, но я-то знаю, что ничего такого не будет.

— Они ведь ничего плохого не делали, — замечает наш отец, наконец появляясь дома. Он подходит к маме и хочет обнять ее за плечи, но та отстраняется.

— Я не хочу, чтобы они шлялись по порту, как уличные девицы! — кричит мама. — Это неприлично!

Папа скребет темнеющую щетину на подбородке.

— Неприлично? — устало повторяет он. — Ну же, Марго. Они ничего не сделали...

— Ты ведь знаешь, мне не нравится, когда они слоняются там одни! — горячится мама. Затем ненадолго умолкает и вздергивает голову. — Для начала, там слишком много чаек. Не успеешь моргнуть, как они выключают тебе глаза.

Интересно, почему при отце мама никогда не высказывается напрямик? Она ведь ясно дала понять нам с Ларой, что ее беспокоят отнюдь не птицы.

— Девочки, покажете мне сегодня какие-нибудь работы? — спрашивает папа. — Возможно, наброски ракушек,

чешуи и омаров, раз уж вы побывали в порту? — Пряча от мамы улыбку, он раскладывает наши рисунки на обеденном столе.

— Не сейчас, Люк, — отрезает мать. — Мне надо накрывать к ужину.

— Во всяком случае, у нас *есть* ужин, мама, — парирую я, раздраженная ее попреками.

Мне вспоминается та старуха в гавани и то, что рассказывал нам в последние месяцы папа. О засухах, неурожае, голоде в стране. О людях, вымаливающих работу и еду, которых он видит на обочинах дорог. Они до того худы, будто их вычерпали ложкой.

Папа шикает на меня и обращается к маме:

— Хорошо, Марго, мы уйдем с набросками в мастерскую, чтобы тебе не мешать. Всего на несколько минут.

Он собирает наши рисунки, подмигивает, подталкивает нас к двери, и мы спускаемся по лестнице прежде, чем мама успевает возразить.

Всякий раз, когда папа находит свободное время, а зачастую и не имея его, он терпеливо занимается с нами в мастерской, обучая нас всему, что умеет сам: как с безукоризненной точностью провести линию, необходимую, чтобы верно передать объем и форму предмета, как с помощью сетки скопировать изображение в увеличенном масштабе, как создавать раппорты и с пользой для узора задействовать окружающее пространство. Иногда он рисует на листе какие-нибудь закорючки, а затем спрашивает, что мы видим, и просит нас самостоятельно превратить эти каракули в рисунок или узор.

Папина мастерская — мое самое любимое место на свете. Она расположена под гостиной и занимает весь нижний этаж нашего дома; здесь господствует его огромный рабочий стол, и каждая царапина и вмятина на его поверх-

ности — след от какого-нибудь из папиных инструментов, а все остальное в его руках становится гладким, как морская галька.

Сначала папа разворачивает мой рисунок — фигуру рыбака с торопливо набросанными в конце очертаниями коренастого тела.

— Очень хорошо! — отмечает папа, и мои щеки виновато пылают: я недостойна этой похвалы. — Ты точно уловила движение, *альсгир*, он будто вот-вот сойдет с листа!

Хотя мне никогда не досаждало прозвище, которое дал мне папа (в переводе с арабского, его родного языка, оно означает «малышка»), я знаю, что Лару он станет хвалить больше. Как всегда.

— Что ж, работа поистине замечательная, — обращается папа к моей сестре. — Продолжай в том же духе, и скоро из тебя, без сомнения, выйдет прекрасная рисовальщица.

Теперь уже краснеет сестра, ее лицо вспыхивает гордостью, а я испытываю очередной приступ острой боли, которая терзает меня всякий раз, когда папа обещает Ларе, что она будет работать с ним, ведь мне он никогда такого не говорит.

Я подхожу к папе и, подавив обиду, обнимаю его. Он смеется и тоже стискивает меня в объятиях, а я вдыхаю исходящий от него необыкновенный аромат. От папы пахнет кожаным фартуком, тесаным камнем и немного сандалом. Стоя рядом с ним, ощущая ровное биение его сердца и глубокое дыхание, я думаю: «Это все, что мне нужно». Не нужно ни о чем беспокоиться: ни о маме, ни о Ларе, ни о голодающих на улицах людях, ни о гнетущем, зловещем предчувствии надвигающейся из-за горизонта беды, которая неизвестно когда придет и когда сгинет. Пока папа рядом, все будет хорошо.

Внезапно с улицы доносятся быстрые шаги.

Литературно-художественное издание / Өдeби-көркeм басылым

ЛОРА ДЖОНС

ИГРА В ПРЯТКИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 15.01.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 36,26. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, Қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-SSG-35158-01-R